

Ч.Диккенс

Тайна Эдвина Друда

Часть II

Оконченная духом Ч.Дик[к]енса
посредством Медиума
Т.П.Джемса¹

Эта часть заключает в себе продолжение
(Части I) романа, изданного Автором до
окончания его Жизненного
Поприща

«Cogito, ergo Sum»²

Бедным

и

Честным труженикам всех стран, которых давит Неумолимая рука Нищеты, но для коих скоро настанет великий день *Возмездия*, день, в который они станут рука об руку с самыми Высшими сей земли, –

Посвящаются эти страницы

Автором,

с искренним его уверением, что счастливейшими часами земной его жизни были те часы, в которые он видал старания свои облегчить несчастным бремя жизни увенчанное успехом, или же когда ему удавалось словом или делом способствовать их благополучию.

Публикуется по: РО ИРЛИ, ф. 2 (А.Н.Аксаков).

Текст написан рукой Е.П.Блаватской.

Публикация, подготовка текста и комментарии А.Д.Тюрикова.

¹ *Т.П.Джемс* – новый Американский Медиум, Бретлборо (Массачусетс), Соединенные Штаты. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Томас Пауэр Джеймс (Thomas Power James, 1837 – после 1882).

Братлборо (Brattleboro) – город в штате Вермонт (США), в 130 км от Бостона.

² «Мыслю, следовательно, существую» (*лат.*) – утверждение французского философа и ученого Р.Декарта (1596–1650).

От публикатора

Чарльз Диккенс (1812–1870), один из крупнейших писателей XIX века, не успел завершить свой последний роман «Тайна Эдвина Друда» («The Mystery of Edwin Drood»). Роман должен был выйти в двенадцати ежемесячных выпусках журнала «All The Year Round» («Круглый год»), но на момент смерти Диккенса (9 июня 1870 года) было опубликовано только три выпуска, позже были изданы еще три, найденные в рукописях (апрель–сентябрь 1870 года). Таким образом, английский прозаик успел написать половину романа. Читателям и критикам оставалось только гадать, как развернулся бы далее увлекательный детективный сюжет. С тех пор литературоведы и любители-диккенсоведы предлагали множество версий окончания романа.

Подлинное продолжение «Тайны Эдвина Друда» появилось на свет самым удивительным образом, причем через три года после смерти классика английской литературы. Как гласил подзаголовок этого издания, вторая часть романа была «окончена духом Ч. Дик[к]енса посредством медиума Т. П. Дже[й]мса». Интересно, что читатели получили не низкопробный опус рядового психиста, а замечательное художественное произведение, имеющее отличительные черты диккенсовского стиля. По всей видимости, к его необычному появлению были причастны Учителя Востока, которые подобным способом стремились утвердить людей в реальности Иного мира и расширить их материалистические представления. Можно сказать, что история создания и распространения второй части романа Ч. Диккенса «Тайна Эдвина Друда» является *метаисторическим фактом*.

Информацию о том, что в американском городе Братлборо пишется продолжение «Тайны Эдвина Друда», заявили всему миру во второй половине 1873 года спиритические издания «Banner of Light» (Бостон) и «The Spiritualist» (Лондон)³. А. Н. Аксаков, один из основоположников научных исследований парапсихологических явлений в России⁴, процитировал некоторые из этих сообщений в своей книге «Анимизм и спиритизм»: «Когда распространился слух, что роман Диккенса дописывается таким необычайным способом, газета “Springfield Daily Union”⁵ отправила своего корреспондента в Братлборо (в штате Вермон[т]), где проживал медиум [Т. П. Джеймс], чтобы разузнать на месте обо всех подробностях; я приведу здесь несколько выдержек из его отчета, напечатанного на восьми столбцах в № от 26 июля 1873 г. названной газеты и перепечатанного в “Banner of Light”⁶, а затем отчасти и в “Спиритуалисте” 1873 г., с. 322⁷, откуда мы их и заимствуем.

Вот что говорится о самом медиуме: “Он родился в Бостоне, и на четырнадцатом году стал обучаться механическому мастерству, которым занимается и по настоящее время, так что его школьное образование закончилось, когда ему было тринадцать лет. Не будучи несколько неграмотным или непонятливым, он, однако, не имел никакого расположения к литературным занятиям и до этого никогда им не предавался – даже ни разу не пытался поместить в газете хотя какую-либо статейку. Таков человек, который взялся за перо Чарльза Диккенса, чтобы закончить и почти закончил “Тайну Эдвина Друда”.

Я был первым, кому посчастливилось узнать от него самого все подробности, рассмотреть рукопись и сделать из нее извлечения.

³ Санкт-петербургская «Вечерняя газета» также отметила это событие, неверно назвав имя медиума: «В Англии, как известно, уже оставлена мысль окончить посмертный роман Чарльза Диккенса “Эдвин Друд”, но в Америке, именно в городе Братлборо, нашлось лицо, которое берет на себя завершить творение. Впрочем, издатель, понимающий, конечно, что доканчивать начатое Диккенсом нелегко, спешит предупредить публику, что сочинять будет собственно *сам Диккенс*, который передает только чрез посредство одного известного медиума свои измышления сюда, на землю. Имя секретаря, избранного таким образом Диккенсом, *Гилль*. Дальнейшие подробности о всей таинственной процедуре помещены в корреспонденции из Братлборо, напечатанной в спрингфилдском “Республиканце”. Замечательнее всего то, что *сказанный г[осподин] Гилль никогда не читал начатого Диккенсом романа*, – так заверяет, по крайней мере, издатель, обещающий выдать “вторую часть “Эдвина Друда”” в половине сентября месяца» (Окончание посмертного романа Диккенса // Вечерняя газета, 1873, №212, 11 августа).

⁴ Александр Николаевич Аксаков (1832–1903) – писатель, переводчик, издатель.

⁵ Спрингфилд – город в 85 км от Братлборо, в 190 км от Бостона.

⁶ Banner of Light, 1873, 9 августа. С. 1, 8.

⁷ The Spiritualist, 1873, 15 сентября.

Дело было так: месяцев десять тому назад молодой человек (которого для краткости я буду называть г[осподин] А.⁸, так как медиум до сих пор не желает оглашать своего имени) был приглашен своими приятелями присесть к столу для спиритического опыта. До этого времени он смеялся над всякими “спиритическими чудесами”, считая их шарлатанством, нисколько не подозревая, что он сам обладает какими-нибудь медиумическими способностями. Едва начался сеанс, как стали раздаваться учащенные стуки и стол после самых резких и разнообразных движений опрокинулся на колени к г[осподину] А., чтобы показать, что медиум был он. На следующий вечер его пригласили участвовать в другом сеансе. Проявления были еще сильнее. Г[осподин] А. внезапно впал в транс, схватил карандаш и написал сообщение от имени ребенка одного из присутствующих, о существовании которого г[осподин] А. ничего не знал. Но распространяться о дальнейших случаях этого рода мне здесь нет надобности...

В конце октября прошлого 1872 года на одном из сеансов г[осподин] А. написал сообщение к себе самому, подписанное именем Чарльза Диккенса, с просьбою дать ему специальный сеанс 15 ноября; по приближении этого срока ему постоянно о том напоминалось... Результатом сеанса 15 ноября, который, согласно данным указаниям, происходил в темной комнате, в присутствии одного А., было длинное сообщение от имени Диккенса, выразившего желание закончить через него как медиума неоконченный им роман. В сообщении говорилось, что он (Диккенс) давно искал, каким бы способом этого достигнуть, но до сих пор не находил никого подходящего для успешного выполнения такой задачи. Он желал, чтобы первая диктовка происходила в канун Рождества, в ту ночь, которую он более всего любил на земле, и просил медиума отдать на это дело столько времени, сколько это было для него возможно без ущерба для его обычных занятий... Вскоре стало очевидно, что тут работает рука мастера, и г[осподин] А. стал охотнее покоряться постигшей его странной участи. Результат его труда от Рождества до настоящего времени (июля 1873 года), – труда вне ежедневных десятичасовых занятий своим ремеслом, – представляет теперь 1200 страниц рукописи, которой достаточно для октавного тома в 400 страниц”.

Критикуя затем новую часть романа, корреспондент говорит: “Здесь перед нами прежде всего целая группа лиц, каждое с своими отдельными характеристическими чертами, и роли всех этих лиц должны быть выдержаны до конца – труд нелегкий для человека, который никогда отроду ни о каком предмете не написал и трех страниц. И вот в первой же главе нас поражает полное сходство новой части с прежней: нить рассказа подхвачена с того самого слова, на котором она была прервана смертью, и повествование продолжается с такой цельностью, что самый острый глаз критика, незнающего, где кончилось старое и где началось новое, не будет в состоянии уловить тот момент рассказа, когда смолкло слово Диккенса! Каждое лицо романа продолжает быть столь же живым, типичным, верным самому себе во второй части, как и в первой. И это еще не все: мы знакомимся с другими новосозданными личностями (Диккенс всегда вводил новые лица даже в последних главах своих романов), и эти лица никак не дубликаты героев первой части, не просто манекены, а живые люди, цельные созданные типы. Кем же созданы они? (стр. 323).

Здесь некоторые подробности, – говорит критик, – могут представлять несомненный интерес. Рассматривая рукопись, я нашел слово *traveller* (путешественник), везде написанное с двумя *l*, как это всегда соблюдается в Англии и очень редко у нас в Америке. Также слово *coal* (уголь) всегда писано *coals*, как принято в Англии. Нельзя не заметить еще особенного употребления больших букв, как это встречается у Диккенса. Удивительно знакомство с топографией Лондона, как это видно из некоторых приведенных мною выдержек. Встречаются обороты речи, совершенно неслыханные в Америке, но обычные в Англии. Упомяну еще о внезапных переходах от прошедшего времени к настоящему, особенно в живом рассказе, переход, очень любимый Диккенсом, особенно в его последних сочинениях. Эти и многие тому подобные частности, быть может, и не важны, но именно о них бы и разбилась грубая подделка”.

Вот заключение, к которому приходит корреспондент: “Я приехал в Братльборо в уверенности, что найду это посмертное творение легко разоблачаемой подделкой. После двух дней тщательного и критического рассмотрения я уезжаю, признаюсь, порядком озадаченный. Я отвергаю прежде всего как нечто невозможное – как делает это и всякий после тщательного расследования дела – то предположение, что эта рукопись была написана самим медиумом. Он говорит, что никогда не читал первого тома, и мне нет дела до того, читал он его или нет, так как я

⁸ Т.П.Джеймс.

совершенно убежден, что он не в состоянии написать даже одной страницы второй части. И в этом нет для него ничего обидного, ибо многие ли способны делать то, что Диккенс оставил недоделанным.

Я вынужден поэтому признать одно из двух: или какой-нибудь гениальный человек употребляет личность А. как орудие, чтобы необыкновенное произведение представить публике и путем необыкновенным, или эта книга, как и претендует ее неведомый автор, есть действительно диктовка самого Диккенса с того света. Едва ли второе предположение чудеснее первого. Если есть в Вермонте человек, доселе неизвестный, способный писать как Диккенс, то ему, разумеется, нет надобности прибегать к таким приемам. Если же, с другой стороны, сам Диккенс “хотя и мертв, но глаголет”, то чего же ждать еще? Я должен по чести заявить, что при предоставленной мне полной свободе исследования я не нашел ни малейшего признака обмана; а если б я имел право обнаружить имя “медиума-писца”, то этого было бы достаточно, чтобы удалить всякую тень подозрения среди тех, кто его сколько-нибудь знает”.

Вот некоторые подробности относительно того, как писалось продолжение романа:

“Сперва медиум писал только три раза в неделю по три или по четыре страницы зараз, но потом стал писать по два раза в день и по десяти, двенадцати и иногда даже по двадцати страниц в один присест. Почерк не его собственный и, насколько удалось сравнить его, имеет некоторые особенности Диккенсова. В начале каждого сеанса почерк красив, изящен, точно женский, но с каждой дальнейшей страницей становится все грубее и грубее и на последней оказывается раз в пять, если не в десять, крупнее, чем на первой странице; такой порядок в изменении почерка наблюдается на всех написанных доселе полутора тысячах страниц, резко отделяя один сеанс от другого. В начале некоторых страниц стоят стенографические знаки, о которых медиум не имеет никакого понятия. Иногда писание было столь быстрое, что трудно разобрать его.

Способ ведения сеансов очень не сложен. Приготовив два остроочиненных карандаша и большое количество бумаги, разорванной на полулисты, г[осподин] А. уходит один в свою комнату. Обычное время писанья – шесть часов поутру и половина восьмого вечером, т.е. такие часы, в которые в это время года светло; впрочем, вечерние сеансы нередко переходят за половину девятого и позднее, и писание происходит одинаково хорошо в темноте, как и при свете, зимою же все сеансы происходят в темноте. Положив бумагу и карандаши так, чтобы удобно было достать их, этот “писец” Диккенса кладет руки на стол ладонями вниз и беззаботно ждет результата. Впрочем, не вполне беззаботно, ибо хотя явление, давно потеряв свою новизну, стало для него уже привычным, а все-таки, по его собственному признанию, оставаясь один на этих сеансах и как бы вызывая умершего, он никогда не может отрешиться от некоторого чувства страха. Сидит он в ожидании, куря иногда в это время сигару, две, три, пять минут, а не то и десять, даже полчаса, но обыкновенно, если “условия хороши”, не более двух минут. Условия главным образом зависят от погоды. В светлый, тихий день и его машина, как и электрическая, работает безостановочно; буря производит помеху; чем буря сильнее, тем помехи больше, так что в очень дурную погоду сеанс отлагается. Просидев за столом в ожидательной позе потребное, смотря по условиям, время, г[осподин] А. не постепенно, а вдруг теряет сознание, и писание продолжается полчаса, час, однажды оно продолжалось целых полтора. Единственное воспоминание, сохраняемое медиумом об этом трансе, это видение им всякий раз Диккенса, сидящего возле него, склонившего голову на руки как бы в сильной задумчивости с серьезным, несколько грустным выражением лица. Он не говорит ни слова, но иногда внушительно взглядывает на медиума: “О, какие это глаза!”

Вспоминается это медиуму так, как вспоминается нам тотчас после пробуждения только что виденный сон, т.е. как нечто реальное и вместе с тем неуловимое. В знак, что сеанс кончен, Диккенс всякий раз кладет на руку медиума свою холодную, тяжелую руку; в начале сеансов г[осподин] А. вскрикивал при этом прикосновении, да и теперь при воспоминании о нем невольно вздрагивает. Через это прикосновение он приходит в себя, но обыкновенно требуется еще посторонняя помощь, чтобы отнять его руки от стола, к которому они, по-видимому, магнетически притягиваются.

Придя в себя, он находит на полу исписанные в тот день листки, разбросанные по разным направлениям. Страницы не перенумерованы, и г[осподину] А. приходится впоследствии уже по смыслу проставлять страницы. Некоторое время после окончания сеанса медиум чувствует сильную боль в груди, но она скоро проходит; вот единственное испытываемое им неприятное последствие. Чрезвычайная нервозность, которою он страдал прежде развития своих

медиумических способностей, теперь совершенно его оставила, и он никогда не был так крепок и здоров физически” (с. 326).

Для больших подробностей отсылаю читателя к с. 322–326⁹ и 375 “Спиритуалиста” 1873 г.¹⁰, где помещены и выдержки из новой части романа, и еще к стр. 26 1874 года¹¹, на которой г[осподин] Гаррисон¹², издатель “Спиритуалиста”, хороший знаток английской литературы, выражается по этому поводу следующим образом:

“Трудно предположить, чтоб гениальность и художественность, проявляющиеся в этом произведении, носящем на себе такую печать сходства с Диккенсом, могли побудить его автора, кто бы он ни был, предстать перед миром только в роли искусного поддельвателя”¹³.

* * *

Е.П.Блаватская, прибыв в Америку в июле 1873 года, отправилась через недолгое время, по всей видимости, по указанию Учителя в Братлборо, где и познакомилась с типографским рабочим Томасом Джеймсом, присутствовала при его «работе» над продолжением романа Ч.Диккенса «Тайна Эдвина Друда» и сразу же выполнила перевод полученных записей на русский язык. Этот перевод был осуществлен неслучайно. Осенью 1874 года Елена Петровна вступила в переписку с А.Н.Аксаковым. В своем первом письме к Александру Николаевичу от 28 октября она предложила знакомить его с новинками зарубежной спиритуалистической литературы и высказала пожелание опубликовать свой перевод второй части романа «Тайна Эдвина Друда» на родине: «Вы вероятно также слышали о посмертном сочинении Диккенса. Вторая часть неоконченного им при жизни романа его “Эдвина Друда”. Я перевела эту вторую часть, и она лежит готовая у меня... Дух ли Диккенса написал ее, или сам медиум James, но эта вторая часть признана всей американской и европейской прессой (с малыми исключениями) за совершенное facsimile¹⁴ слога Диккенса и его неподражаемого юмора... <...> Очень бы я хотела видеть напечатанное в России окончание вышеупомянутого романа Диккенса. Я долго над ним работала и переводила с манускрипта Джемса, как он писал под диктовку духа Диккенса...»¹⁵ Аксаков об этой просьбе Блаватской сообщил писателю Н.С.Лескову (1831–1895).

В письме от 21 ноября 1874 года Николай Семенович ответил Александру Николаевичу: «Блавацкая, мне кажется, смело могла бы переводить роман. Я думаю, что я нашел бы и издателя»¹⁶. Одновременно Лесков оповестил читателей в двух заметках («Роман, дописанный мертвецом» и «Окончание романа Диккенса, написанное его духом»¹⁷) в газете «Русский мир» о скором выходе в свет продолжения романа Диккенса, «полученного таким необыкновенным до сих пор путем». В первой заметке он сообщил, что его переводом занята «одна наша очень

⁹ The Spiritualist, 1873, 15 сентября.

¹⁰ The Spiritualist, 1873, 1 ноября.

¹¹ The Spiritualist, 1874, 16 января.

¹² Уильям Генри Гаррисон (1841–1897) – издатель газеты «The Spiritualist» (1874–1879).

¹³ Аксаков А.Н. Анимизм и спиритизм. Уфа, 1910. С. 351–357.

¹⁴ факсимиле (англ.).

¹⁵ Цитируется по: Соловьев Вс. С. Современная жрица Изиды. СПб., 1893. С. 282–283.

Поскольку оригиналы писем Е.П.Блаватской к Вс. С.Соловьеву до настоящего времени не обнаружены, фрагменты из них даются из его клеветнической книги «Современная жрица Изиды». По нашему мнению, письма напечатаны без искажений. Во время публикации книги были живы родственники Елены Петровны – Н.А.Фадеева и В.П.Желиховская, которые могли потребовать от автора эти письма для сравнения, и при обнаружении фальсификаций Соловьев не избежал бы публичного скандала. Но никаких возмущенных заявлений после выхода книги по поводу опубликованных в ней писем Е.П.Блаватской от них не последовало.

Письма Е.П.Блаватской А.Н.Аксакову за 1880–1886 годы и копии писем А.Н.Аксакова Е.П.Блаватской за 1874–1877 годы хранятся в РО ИРЛИ в фонде А.Н.Аксакова (ф. 2).

¹⁶ РГАЛИ, ф. 275, оп. 1, ед. хр. 114. Л. 4.

¹⁷ Русский мир, 1874, №312, 13 ноября; №320, 21 ноября (раздел «Обо всем и отовсюду», без подписи) (см. также: Заметки Н.С.Лескова о продолжении романа Ч.Диккенса «Тайна Эдвина Друда» (газета «Русский мир», 1874) // http://art-roerich.org.ua/sites/default/files/blavatska/Leskov_Drud.pdf).

В письме от 21 ноября Н.С.Лесков сообщил А.Н.Аксакову: «№, где была первая заметка, не мог отыскать; но сделав с Ваших слов вторую, спешно ее препровождаю». А.Н.Аксаков в своем Дневнике отметил 22-го ноября получение этого письма от Н.С.Лескова и «замет[ки] Рус[ского] Мира об “Тайне Эдв[ина] Друда”» (РО ИРЛИ, ф. 2). В следующем письме Николай Семенович продолжил: «...Для Вас первую статью отыскал, вырезал и при сем прилагаю» (РГАЛИ, ф. 275, оп. 1, ед. хр. 114. Л. 5).

просвещенная соотечественница г-жа Б.» (то есть Блаватская) и «вероятно труд этой переводчицы в скором времени будет доставлен в Россию и будет напечатан». В следующей заметке под «американским корреспондентом» имелась в виду также она. Это была первая информация о Елене Петровне в русской прессе.

Во втором письме к Аксакову от 14 ноября Блаватская напомнила, что она «перевела “Эдвина Друда”, и он давно готов»¹⁸. Александр Николаевич в ответе от 10/22 ноября обнадежил Елену Петровну: «Что касается до Эдвина Друда, то, во всяком случае, перевод Ваш присылайте. Думаю, что, так или иначе, найдем возможность поместить его в каком-нибудь журнале, потрудитесь также прописать условия Ваши». В следующем письме от 11–13 декабря Аксаков известил Блаватскую о газетных публикациях, посвященных «роману» Диккенса: «О русском переводе *Тайны Эдв[ина] Друда* уже появились, со слов моих, две заметки в “Русском мире”; жду Вашей рукописи...»

Перевод «Тайны Эдвина Друда» был прислан Аксакову в феврале 1875 года. Он написал Блаватской 12 марта, что отдал его «читать в литературные руки: говорят, перевод не удовлетворителен; переводить Диккенса нелегко; надо будет потолковать о том, чтобы поручить кому-нибудь править Ваш перевод в надлежащий вид». В письме от 16/28 мая Александр Николаевич сообщил Елене Петровне: «Друда я в одну редакцию уже предлагал, но безуспешно; рукопись возвратили; причина возвращения мне еще не известна; прежде чем дать ее выправлять, надо заручиться чьим-либо согласием ее напечатать. Постараемся». Но опубликовать продолжение романа Ч.Диккенса «Тайна Эдвина Друда» в переводе Е.П.Блаватской в то время так и не удалось. Скорее всего, «неудовлетворительный перевод» был здесь ни при чем, а как и предполагал Н.С.Лесков, «редакции побоялись печатать произведение духа»¹⁹.

Первая публикация этого перевода Е.П.Блаватской состоялась только в 2016 году²⁰. К сожалению, она «получилась неудачной, некачественной и ненаучной. Текстологическая работа проведена редактором-составителем крайне некорректно и безответственно, рукопись издана со многими искажениями текста, заключающимися в ошибочной расшифровке, самовольных перестановках, вставках и изъятиях слов и даже целых фраз»²¹.

Данная публикация является первым научным изданием второй части романа Ч.Диккенса «Тайна Эдвина Друда» в переводе на русский язык Е.П.Блаватской.

* * *

Анализируя обе части романа «Тайна Эдвина Друда», мы можем сказать, что уже в первой главе находится ключ к пониманию замысла произведения. В Клойстергэмском соборе звучит вечерняя литургия, которая начинается словами из Книги пророка Иезекииля: «И беззаконник, если обращается от беззакония своего, какое делал, и творит суд и правду, – к жизни возвратит душу свою» (18, 27)²². Эти слова, без сомнения, относятся к Джону Джасперу, который в конце романа раскаялся в злодеяниях и тем спас себя от духовной смерти: «Ибо он увидел и обратился от всех преступлений своих, какие делал; он будет жив, не умрет»²³. «Попроси у Бога простить мне, Бетси, – обращается он к покинувшей земной мир восьмилетней дочери, – и проведи мой грешный дух к

¹⁸ Цитируется по: Соловьев В. С. Современная жрица Изиды. СПб., 1893. С. 284.

¹⁹ [Лесков Н.С.] Роман, дописанный мертвецом // Русский мир, 1874, №312, 13 ноября.

²⁰ Блаватская Е.П. Собрание произведений в 24 томах. Т. 1 (1851–1873). М., 2016.

²¹ Текстовая вивисекция, или как Олег Болдырев издает собрание сочинений Е.П.Блаватской // Ярославское Рериховское общество (офиц. сайт). URL: <http://yro.narod.ru/zaschitim/blavatskaya-zashchita-ot-boldyрева.htm>

²² «Переводчица [О.Холмская]* – скорее всего, по небрежности – неверно определила первую фразу церковной службы – “When the wicked man...” Она взяла перевод из церковнославянского варианта Притчей Соломоновых: “Егда приидет нечестивый...”, что в синодальном русском переводе звучит так: “С приходом нечестивого приходит и презрение, а с бесславием – поношение” (Притч. 18, 3). (В K[ing] J[ames] B[ible]: “When the wicked cometh, then cometh also contempt, and with ignominy reproach). На самом деле у Диккенса цитата из [Книги пророка] Иезекииля: “Again, when the wicked man turneth away from his wickedness that he hath committed, and doeth that which is lawful and right, he shall save his soul alive”. То есть: “И беззаконник, если обращается от беззакония своего, какое делал, и творит суд и правду, – к жизни возвратит душу свою” (Иез. 18, 27). Именно этим стихом начинается вечерня в англиканской литургии. Но разве он не может быть ключом к тайне Эдвина Друда?» (Абаринов В. Тайна Друда и Джаспера // <https://sites.google.com/site/droodiana/articles/vladimir-abarinov-tajna-druda-i-dzaspera>).

* Речь идет об издании: Диккенс Ч. Тайна Эдвина Друда / пер. О.Холмской // Собрание сочинений в 30 т. Т. 27. – М.: Государственное издательство «Художественной литературы», 1962.

²³ Иез. 18, 28.

Стопам Всевышнего Судьи. Теперь ты – чистый Ангел, девочка моя, и можешь читать в моем разбитом сердце. Оно так полно раскаяния и горя – ты это видишь сама, не правда ли?» Отцу Небесному важно не наказание, а осознание грешником своей несправедливой жизни. После раскаяния лицо умершего Джаспера было спокойно и «улыбка выражала счастье». Сюжет романа укладывается в евангельскую притчу о блудном сыне²⁴.

Джон Джаспер, регент Клойстергэмского собора, главное действующее лицо романа, обладал способностью овладевать волей людей. Этой способностью он пользовался так или иначе при совершении своих преступлений, которых набралось немало. Он соблазнил и бросил умирать в нищете юную Бетси Трендерс (мать маленькой Бетси), пытался убить своего племянника Эдвина Друда, оклеветал Невила Ладлеса и, испытывая неудержимую страсть, похитил Розу Буттон. Некоторые персонажи помнили «черные, огненные, злые» глаза Джаспера, а в его «сверлящем взгляде» ощущалась «разрушительная сила». Для них он «коварный и лукавый дьявол», «страшный, чертовски подлый и мерзкий» человек, у которого «ничего, кроме преступного, не может гнездиться» в душе и который «питает адские мысли в своем чудовищном сердце»²⁵. Роза постоянно испытывала к нему «чувства боязни и отвращения», а при виде его ею овладевало «омерзительное чувство подчиненности и безволия».

Джаспер находился под воздействием невидимых существ, «злых демонов», частью созданных им самим, а частью окружавших его постоянно, привлеченных к нему коварными замыслами. Количество их прибывало, благодаря курению опиума. Именно они побуждали его к преступлениям. Одна такая сущность, некая Тварь, во сне «подавала ему смертоносную, со свинцовой окончательностью дубину, указывая на Эдвина. Он принял дубину из рук Твари и одним взмахом убил спящего».

С некоторых пор Джаспера начала преследовать и днем и ночью Высшая сила, «грозная прозрачная Тень», защищавшая маленькую Бетси: «Что это делает теперь возле ребенка Грозное *Что-то!* – вопрошает он. – Как может Оно разрастаться до таких размеров, что способно медленно и тщательно как бы окутывать умирающую девочку с ног до головы своей прозрачной, тенистой формой и все-таки не отымать с лица его пристального огненного взгляда, пронзающего его насквозь из Невидимых Глаз?» Высокая энергетика этой силы «выжигает» из сознания Джаспера все его преступные намерения. Он чувствует, «будто бы растопленное олово обращается в жилах его вместо крови, а мозг начинает двигаться и гореть». В итоге «кровь его превращается в кипящий источник, брызгая из скалы, в которую он превратился сам. Огненные волны продолжают подниматься все выше и выше, зажигая мозг его, пока, наконец, они не пережигают его до самого основания!.. Фонтан брызгает на мозг, обливая его целым океаном огня». Джаспер сходит с ума. Таков Божий суд за гордыню, жестокость и безверие.

Противостоит темной фигуре Джаспера светлая личность его дочери Бетси, с «большими голубыми глазами», с «необыкновенной понятливостью и умственным развитием», воплощенный луч Живой и Всемирной Любви. У нее была постоянная связь с Иным миром через *яркие сны*, в которых она разговаривала со своей так рано умершей мамой. «Днем и ночью, – говорит Бетси, – я вижу над собой лицо, такое грустное и скучное, и знаю я, что это мама моя, хоть лица ее не помню живым. И так меня тянет к ней, так хочется мне улететь с ней, что кажется, не буду я никогда веселей, пока оно не сбудется». Недолго проживет девочка, отправившись навстречу с мамой в Небесных Садах. Часто находили ее «сидящей тихо на садовой скамейке; держа в худой маленькой ручке своей цветы, Бетси так пристально смотрит на них, что можно подумать она прислушивается к тайному, слышанному ею одной лепету растений этих, которые, исповедуя ребенку чистые мысли свои, рассказывают ей о других цветах, цветущих в далекой прекрасной стране духов, где никогда они не блекнут и не умирают».

Одной из ключевых сцен в романе является свидание Бетси с Джаспером в Рождественский день. Мама повелела ей не умирать, прежде чем она не увидится с отцом. При встрече дитя «медленно поднимает на него свои голубые, полные кротости глаза и тихо произносит: “Я должна была видеть вас; так хотела мать, дорогая моя мать, которая приходит ко мне каждый день во сне, и она велела мне сказать вам, что когда я умру и буду с ней, то стану всегда молить Бога, чтобы

²⁴ Лук. 15.

²⁵ См. также: *Матвиенко О.В.* Клойстергэмский собор и его *genius loci* (по роману Ч.Диккенса «Тайна Эдвина Друда») // Литературоведческий сборник. Вып. 1. Донецк, 1999.

простил Он вам и сделал бы вас менее злым... Когда унесут меня Божьи Ангелы на Небо, я стану молиться там за вас и стану просить и маму, чтобы и она молилась за вас также. Не знаю отчего, но хотя вы всегда ненавидели меня, я же чувствую, что люблю вас и жалею вас, – может потому, что вы отец мой!.. Неужели не чувствуете вы хоть одну, только одну, крошечку любви к моей бедной умершей маме? Я знаю, как любила она вас! Кому лучше знать это, как не мне, которой так много рассказывала она про вас в снах моих; разве не видала я каждую ночь в лице ее столько горести... О, как много горя! Но все-таки, говоря про вас, я видала и знала, что она любит вас и прощает». Любовь Бетси и ее мамы спасает Джаспера. После смерти Ангел с золотым лицом уводит «уоставшую маленькую девочку с собой».

Через многие испытания и страдания прошли герои романа Ч.Диккенса «Тайна Эдвина Друда». Это неизбежно, такова судьба несовершенного людского племени. «О! Когда прозрит, наконец, Род Человеческий? – восклицает автор книги. – Когда освободится Он от этой мучительной, добровольно принятой на себя слепоты? То знает только Тот, для Кого ничего нет скрытого в Будущем! Но он недалек, тот день. Мы это чувствуем – когда *Смерть* переменит свое мрачное имя на земле на *Возрождение* в Стране Свободы и Чистой Любви, а рождение на земной планете назовется *Временной Неволей* и станет встречаемо со слезами и сожалением!»

[От переводчика]

Перевод этого романа сделан мною *прямо* с первой рукописи *Джемса*, которая была писана им в бессознательном состоянии и слово в слово под диктовку, как уверяет Медиум, –

Духа Дик[к]енса.

В напечатанном впоследствии романе²⁶ оказались странные переделки, которые, по словам критиков, много испортили оригинальность сочинения. Кто взял на себя эту переделку к худшему – неизвестно. Ходят слухи, что Бостонское духовенство *Пресвитерианцев*²⁷ платило большие деньги тамошней типографии за корректурные листы этой повести, которая и вышла совершенно изувеченной. Книга по манускрипту будет напечатана впоследствии.

(Примечание Перевод[чика])

Бостон.
3го Октября
1873.

Предисловие Медиума²⁸

Т.П.Джеймс

В видах удовлетворения общественному любопытству и далёко до полного окончания второй части этого сочинения – я согласился допустить напечатать некоторые отрывки из оною. Единственною моею целью было желанье дать возможность нетерпеливой публике заранее составить себе мнение о тождественности слога настоящей книги со слогом прочих романов Г[осподина] Дик[к]енса и, таким образом, вполне удостовериться, что это посмертное сочинение пристекает из одного и того же пера.

Результат был тот, которого и следовало ожидать. Некоторым из читателей известные характеристические черты слога Г[осподина] Дик[к]енса тотчас же бросились в глаза, другие, напротив того, не могли найти в этой части ничего такого, что бы могло хоть издали напомнить им о произведениях великого писателя. Один говорил: «Глаголы в этой части романа вовсе не походят на глаголы, обыкновенно употребляемые Дик[к]енсом»; но когда попросили этого критика подкрепить свой довод каким-либо доказательством, то он не сумел привести ни одного примера; одно только знал он, что глаголы были *не те*, потому что кто-то другой заметил ему это!? О,

²⁶ Part Second of the Mystery of Edwin Drood. By the Spirit Pen of Charles Dickens, through a Medium. Brattleboro, VT: Published by T.P.James, 1873.

²⁷ Пресвитерианцев (*англ.* Presbyterians).

²⁸ Т.П.Джеймс, которому теперь 28 лет, служил до Февраля 1873 г. простым разнощиком* при маленькой провинциальной типографии. Джеймс с трудом может подписать свое имя и орфография ему совершенно неизвестна (примечанье Перевод[чика]). – *Примечание Е.П.Блаватской.*

* разнощиком (*устар.*).

достойные представители достойнейшего класса! Но всё же вы заслуживаете несколько более уважения, нежели некоторые вожаки еще худшей категории общества (категории весьма немногочисленной, замечу с удовольствием). Эти господа, сознав бессилие своё найти что-либо достойное справедливого порицания или осуждения в книге, возымели блистательную идею напасть соединенными силами лично на «Медиума», пустив в ход самую бессовестную Клевету, надеясь подобной хитростью отвлечь общественное внимание от самой книги и тем «убить её до рождения»!

Но, к несчастью их, всё это имело весьма мало влияния на читающую публику, которая справедливо рассудила, что личные обвинения, заслужены ли они или нет в несчастном происшествии молодости²⁹, не могут ни на один волосок прибавить либо убавить к достоинству самой книги.

Вероятно, в силу «неисповедимых путей Его»³⁰, Господь Бог соизволил сотворить на нашей планете некую Касту людей, которые находя умным, прекрасным и непогрешимым всё, совершенное ими самими, находят всё, деланное другими, «скверным». Идея их о собственной персоне – «великая», идея о прочих смертных – «дрянь»! Такие особы постоянно являются на поле аргументации с непокрытыми головами в полной уверенности, что найдут себе чью-нибудь чужую шляпу, которая хоть и не всегда нравится им, но зато – ловко сидит на голове, да и удобно её носить. Следовало бы полагать после этого, что вследствие такого произвольного выбора они или будут продолжать носить её, или же снимут шляпу и замолчат; но выходит противное: эти оралы продолжают толкаться в толпе, недовольные собой и внушая к себе отвращенье в прочей публике.

В предисловии к этой книге (Г[осподина] Дик[к]енса) говорится иносказательно о двух шляпах: на одной из них читается надпись «Совиная Мудрость», на другой – «Невежды, Ханжи». Высшим образом было поучительно видеть, как легко и скоро открыли вышеупомянутые индивидуумы, что обе шляпы как раз приходились им впору. Факт этот дает мне право предполагать, а со мною и многим другим, что характер Мистера *Cancea*³¹ – не утрирован Автором.

Чтобы дать некоторое понятие публике о нелепых предположениях, сочиняемых по поводу авторства этой книги подобными особами, – невзирая на то, что их предположения всегда оказывались во сто крат невероятнее самой истины, называющей эту повесть *посмертным* романом Дик[к]енса, – приведу два примера.

Одна из гипотез следующая: рукопись второй и последней части «Тайны Эдвина Друда» была окончена Г[осподином] Дик[к]енсом при жизни его; после смерти его один из наследников покойного писателя, желая подшутить над публикой, произведя *сенсацию*, послал эту рукопись в Америку и выбрал *меня* агентом своим для издания оной под видом «Посмертного сочинения». Другой вымысел состоит в следующем, – добавлю, что это самый популярный из всех: всю эту штуку сотворила Нечистая Сила! Говорили шепотом, что в известный час ночи его Сатанинское высочество влетает в трубу дома моего, оставляя после себя такой запах серы, что час спустя прохожие задыхаются от него. Полагаю, что редко когда случалось невинной трубе, построенной из безвреднейшего кирпича, обращать на себя большее внимание и вселять такой ужас в народе, как довелось это трубе моей квартиры.

Мне положительно известно, что три или четыре человека ждали по целым часам, – проводя часть ночи в подобном положении перед моими окнами, – в ожидании этого феномена, или, скорее, чертовщины, в полной уверенности, что терпенье их будет вознаграждено лицезрением самого беса; и странно подумать, эти самые люди никак не могут поверить в возможность возврата на землю умершей особы для свидания с друзьями, несмотря на то, что в этом факте они могут убедиться несравненно легче и скорей.

Мне не приходится рассуждать самому о достоинствах либо недостатках этого сочинения. Одно скажу: я передаю его публике слово в слово, как оно было продиктовано мне. Так как всем известно, что я простой и необразованный человек, то никто и не имеет права взыскивать с меня за

²⁹ Несколько лет тому назад Г[осподин] Джемс был посажен в тюрьму по подозрению кражи денег из кассы типографии. Но проступок этот не мог быть доказан (прим[ечание] Перевод[чика]). – *Примечание Е.П.Блаватской.*

³⁰ Рим. 11, 33.

³¹ Сапси (*англ.* Sapsea).

Имена и топонимы по-русски в примечаниях здесь и далее приводятся по: *Диккенс Ч. Тайна Эдвина Друда / пер. О.Холмской // Собрание сочинений в 30 т. Т. 27. – М.: Государственное издательство «Художественной литературы», 1962.*

могущие оказаться в книге грамматические либо другие ошибки. Не стану ни сознавать, ни отвергать их. Конечно, я мог бы легко избежать этого порицания, отдавая предварительно рукопись свою на рассмотрение компетентных особ, которые сгладили бы всё, поправив. Я предпочёл отдать её на суд публики так, как оно было написано – под диктовку автора.

Те, которым хорошо известны все законы спиритизма и его физические проявления, легко поймут, что первое произведение *Медиума* под прямым и непосредственным влиянием овладевающего им дѹха (Controlling Spirit) непременно будет содержать в себе различные неправильности, тем более когда и дух и Медиум – равно новички еще своего дела, и оба не совсем развиты для подобного писания; но я вполне надеюсь, что будущие, обещанные Г[осподином] Дик[к]енсом сочинения через мое посредничество будут вполне очищены от подобных шероховатостей, если только найдутся они в настоящем сочинении.

С истинным счастьем я передаю публике объявление Чарльза Дик[к]енса в том, что первая глава его будущей повести «Жизнь и приключения Боклея *Уикльгина*»³² окончена; судя по первым страницам ее и всего характеристического начала, можно смело предположить, что этот роман окажется достойным сравнения со всеми лучшими повестями, написанными автором во время его земной жизни.

В заключение скажу следующее: происхождение³³ настоящей книги и первоначальное заявление о ней основаны не на одном «*ничем не гарантированном уверении моем*», как выражаются некоторые скептики. Правдивейшие в мире, известные честностью своей и прямою люди, всем известные и уважаемые, ручаются за справедливость приводимого мною факта; так как все они были свидетелями и очевидцами и знают наверняка, *из какого источника* являлось писанное мною: они *видали* то, в чем *удостоверяют*.

С сердцем, переполненным благодарностью к тем друзьям, которые так твёрдо стояли за меня во время борьбы моей и тяжких 8^{ми} месячных трудов³⁴, и к тем, которые сумели поддержать падающий дух мой в те горькие часы, когда я чувствовал, что «должен погибнуть среди пути», желаю я клеветникам моим найти что-нибудь полезное и хорошее для них в книге Г[осподина] Дик[к]енса, если уж они решились не находить ничего, кроме скверного, в «Медиуме». С этим желаньем, заранее благодаря читателя за его вниманье, скажу ему: «До свиданья».

Т.П.Джемс.

Братлборо (Вермонт), 25 октября 1873.

Предисловие Автора (Духа Дик[к]енса)

Во время духовной работы моей над этим сочиненьем я несколько раз чувствовал сильное желанье (как это случалось со мною постоянно и во время жизненного поприща моего) узнать скорее, какими комментариями будет оно встречено публикой. Поэтому я искренно обрадовался, когда последнее его слово было дописано, при мысли, что вот теперь я узнаю правдивую оценку его из разнородных мнений читателей и критиков. Если я живо чувствовал подобную боязнь во время моего воплощения, то легко понять, что это чувство усилилось во мне теперь еще более: я отдавал на суд света сочиненье, каждое слово которого могло быть написано только с помощью земных рук, которыми я должен был действовать вроде того, как телеграфист употребляет свой аппарат, посредством которого миллионы слов передаются за тысячи миль в одну секунду и одной силою электричества. Недалёк уже тот день, когда тысячи и десятки миллионов людей, считающих теперь *спиритизм* за пустую бредню и за шарлатанство, поверят и лучше поймут его, чем понимают его теперь; в тот день человечество усовершенствуется, а те, которые окончили свое земное поприще, равно как и те, которым скоро предстоит конец его, возрадуются при мысли, что милые сердцу их родные и близкие, оставленные ими на далёкой земной планете, смотрят на

³² «The Life and Adventures of Bockley Wicklehear».

³³ Далее зачеркнуто: *этой*.

³⁴ Очевидцы странных феноменов, овладевающих Джемсом во время его бессознательного писания, говорят, что страдания его доходили до такой невозможной муки, что много раз присутствующие при нем доктора серьезно боялись за него, ожидая, что дух покинет тело его каждую минуту (примечание Перевод[чика]). – *Примечание Е.П.Блаватской*.

отсутствие их только как на *временную разлуку* и не томятся более неизвестностью. Как мало понимают еще люди всю мудрость и благость Всевышнего творца, создавшего каждую былинку с мудрой целью... Того, который, несмотря настолько на бесчисленные доказательства, рассеянные Им перед глазами земных детей Его, – в полное подтверждение того, что ничто не пропадает бесследно в природе, – видит, как немного еще есть между ними тех, которые верят искренно в бессмертие души человеческой, этой частицы собственного Духа Его!

В этом сочинении я не имею никакого намерения влиять на кого бы то ни было или заставлять кого изменять своему прежнему мнению. Конечно, я был бы рад видеть кровных близких и всех земных друзей моих, внимательно вникающих в сокрытую истину, содержащуюся в этой науке, – религиозной науке, добавлю я, – чувствуя, что это принесло бы им более счастья и пользы, нежели всё земное прочее. Никто не имеет права отвергать того, чего он еще не знает, не имея самых разумных доказательств под рукой для подкрепления своего неверия. Доказательства же противные – в пользу *спиритизма*³⁵ – под рукой у всякого. Но если вам и так хорошо жить на свете, или же если вы боитесь уронить этим свое достоинство, то, как хотите, но пощадите Вы, по крайней мере, чувства любимых вами когда-то и перешедших в духовный мир друзей! Не побивайте их презрением, не делайте посмешища из того, что для них есть *живая истина*, если уж сами вы не хотите знать правды!

С этой самой минуты, как посредством Медиума я объявил о желании моём продолжать начатое мною на земле сочинение, я следил за мнениями людей. Горько мне было иногда видеть, как старались они в различных статьях всего света обратить эту идею в насмешку, но, сознаюсь, не менее было забавно мне следить за неутомимыми кривляньями «Совиной Мудрости» якобы в лице тех невежественных ханжей, которые воображают, что «весь свет был создан только для людей, а люди эти они сами и есть». И жаль нам этих устарелых дураков и вместе с тем утешительно подумать, как наказаны будут они, когда, покинув на земле свое грешное тело, о котором они такого высокого мнения, они явятся сюда и найдут, что этот новый для них мир совсем не то, что они воображали себе о нём на земле.

Искренно надеюсь, что найдётся еще достаточно честных людей обоего пола, которые, прочитав эту книгу, не станут повторять вместе с прочими, что «всё это плутни», как выражались многие далёко до появления ее в свет и не прочитав еще ни единой строчки из нее; но что искренние и справедливые особы легко проследят в этом сочинении одно и то же постоянно одушевляющее автора чувство – теперь, как и при жизни его, – желания заинтересовать читателей своих в пользу разыгрывающих его «актеров». Если я хоть сколько-нибудь успел в этом и доставлю публике хоть несколько часов развлечения, которые, если и не сделают её лучше, то, по крайней мере, заставят на минуту забыть все земные дрязги, то я останусь довольным.

Не могу кончить, не заявив всем милым моим дорогим друзьям, которых я так любил на земле, – с каким горячим чувством я жду прибытия их сюда: собственный опыт докажет им лучше всяких слов, сколько истины заключается в моих рассказах на различных сеансах о нашей настоящей, а для них – «будущей жизни»³⁶. Бог да сохранит вас и благословит. Вот самая горячая моя молитва.

Ч. Дик[к]енс.

Примечание Переводчика Издателю

Находя ненужным снова переводить то, что было уже многократно переведено русскими журналами, т.е. 1^ю Часть неоконченного романа Ч. Дик[к]енса «Тайна Эдвина Друда»³⁷, я начинаю свой перевод с 23^й главы Сочинения, во время которой смерть Автора прервала работу великого Писателя, а «Тайна» оставалась неразгаданной до той минуты, когда духу Дик[к]енса удалось

³⁵ См., например: *Е[вгений] Б[арабаш]*. Мистический элемент в жизни Диккенса // Ребус, 1890, №44, 4 ноября.

³⁶ В Англии, как и в Америке, Ч. Дик[к]енс часто является на зов во время сеансов и посылает различные повестки и рассказы друзьям и родственникам. Многие из них печатаются спиритическими журналами (прим[ечание] Перевод[чика]). – *Зачеркнутое примечание Е.П. Блаватской*.

³⁷ См.: Русский вестник, 1870, Приложение; Всемирный труд, 1870, №3–6, 8–12; Собрание иностранных романов, рассказов, повестей, 1870, кн. 4–10; Заря, 1870, №4–10; Отечественные записки, 1870, Приложение, №5–10; отдельное издание (СПб., 1870).

овладеть Медианимической способностью некоего юного, но далеко не презентабельного Бостонца. Я видала его несколько раз в нормальном виде и во время писания под диктовку невидимой силы, называющей себя Чарльзом Дик[к]енсом. Привычные стенографы едва успевали следить за словами Медиума, который писал, повторяя вслух писанное им, не останавливаясь ни на минуту. Не входя в напрасные рассуждения, повторяю только буквально то, что сама видала.

Е[лена] Б[латская].

Оглавление

Главы, написанные Ч.Дик[к]енсом – при жизни.

- I. Заря.
- II. Декан и приход.
- III. Монахиня.
- IV. Мистер Сапсеа.
- V. Мистер Дёрдл[ь]с³⁸ и друзья.
- VI. Филантропия в углу Минор-Канона³⁹.
- VII. Более поверенностей, чем нужно.
- VIII. Кинжалы готовы.
- IX. Птички в кусте.
- X. Выравнивая дорогу.
- XI. Картина и кольцо.
- XII. Ночь с Дёрдльсом.
- XIII. Оба стараются.
- XIV. Когда эти трое встретятся снова?
- XV. Обвинён.
- XVI. Преданный.
- XVII. Филантропия, профессиональная и простая.
- XVIII. Поселенец в Клойстергэме⁴⁰.
- XIX. Тень на солнечных часах.
- XX. Бегство.
- XXI. Встреча.
- XXII. Шероховатое время настало.
- XXIII. Опять заря.

Главы, продиктованные Ч.Дик[к]енсом – по смерти.

- XXIV. Что рассказывал орган.
- XXV. Свет проливается на Степл-Инн⁴¹.
- XXVI. Джон Джаспер видится с Агентом, а Читатель знакомится с Педларами⁴².
- XXVII. Цепь куётся.
- XXVIII. Читателя отправляют в Бил[л]икинскую⁴³ Гавань, где он встречает старого знакомого.
- XIX. Встреча и Признание.
- XXX. Другая ночь с Дёрдльсом.
- XXXI. Миссия Фоп[п]ерти⁴⁴ и внезапное исчезновение.
- XXXII. Отворяющая двери Мистеру Брòбити⁴⁵.
- XXXIII. Представляет публике Джо Слоджерса⁴⁶, и что из этого происходит.
- XXXIV. Трактует о разных разностях, и для вящего объяснения предыдущей Главы знакомит Читателя с Мистером Питером Пеккрафтом⁴⁷.

³⁸ Дёрдлс (*англ.* Durdles).

³⁹ младший каноник (*англ.* Minor Canon).

⁴⁰ Клойстергэм (*англ.* Cloisterham).

⁴¹ *Англ.* Staple Inn.

Имена и топонимы по-английски в примечаниях здесь и далее приводятся по: Part Second of the Mystery of Edwin Drood. By the Spirit Pen of Charles Dickens, through a Medium. Brattleboro, VT: Published by T.P.James, 1873.

⁴² *Англ.* Padler.

⁴³ *Англ.* Billickin.

⁴⁴ *Англ.* Fopperty.

⁴⁵ *Англ.* Brobity.

⁴⁶ *Англ.* Sloggers.

⁴⁷ *Англ.* Peckcraft.

XXXV. В которой Мистер Грей[д]жиус⁴⁸ заботится о благосостоянии питомицы.

XXXVI. Счастливая встреча.

XXXVII. Джон Джаспер страдает нервами, а Мистер Сапсеа оскорблен в своём достоинстве.

XXXVIII. Розы и тернии.

XXXIX. Попутчик догоняет Невидимые Силы, а Мистер Грей[д]жиус зрит картину и кольцо.

XL. Путешествие Мистера Пеккрафта в Клоистергэм. Эдвину Друду позволяют встать и объясниться.

XLI. Свидание Мистера Пеккрафта с Джаспером заставляет последнего принять сильное решение.

XLII. Заря для других, для Джаспера ночь.

XLIII. Старый друг является и старая пословица оправдывается.

XLIV. Приводит читателя к тому месту дороги, где должно проститься.

XLV. Берег достигнут и мы должны сказать: «До свиданья».

XLVI. Заключение.

⁴⁸ Грюджиус (*англ.* Grewgious).

Глава XXIV

Что распевал орган

Хор отправился. Регент *не* отправился, но остаётся еще после ухода подчиненных, как это случается с ним по временам; один раздувающий меха мальчишка остается с ним для компании.

Он сидит теперь перед органом и разыгрывает одну из бессмертных сонат Бетховена⁴⁹; и по мере того как под его мастерскими пальцами звуки то раздаются⁵⁰ громче и громче, то понижаются почти до шепота, он весь предается музыке и как бы забывается в переливах дивной гармонии, производимой его собственными руками. Когда временами раздается аккорд мягче и сластнее еще предшествовавшего, а сам инструмент как бы трепещет и стонет, ему мерещится, что весь воздух наполнен сладкими голосами; Мелодия переходит в торжественный громовой гул – он чувствует возле себя присутствие *Чего-то*, что стоит возле него, и голосом, похожим на жалобное завыванье ветра, он шепчет имя – имя Эдвина Друда!

Но он всё-таки играет, не замечая вокруг себя ничего, кроме всепоглощающего своего инструмента, и Мелодия продолжает изливаться сотнями гортаней своих.

Вдруг он слышит другой голос; голос, еще нежнее прежнего, чудится ему в Мелодии; грустный, жалобный голос шепчет имя... Имя это напоминает ему прелестную девушку, которая много лет тому назад, очнувшись от чудного сна любви и увидя себя обманутой, умерла от разбитого сердца.

Всё-таки Мелодия продолжается; на клиресе раздаётся лёгкий шорох – тихие шаги приближаются к нему, но он не слышит ничего, кроме голосов, и Мелодия не перестает. Тихо, но всё ближе раздаются шаги и неслышно останавливаются за органом. Быть может, мозг раздувающего меха мальчишки до такой степени пропитан Мелодией, что он в первую минуту не видит и не слышит, как к нему подходит кто-то и стоит за спиной его. Быть может также, что *никакой* мозг *никакого* раздувающего меха мальчишки не подавал никогда более очевидных признаков страха, как в эту минуту, когда глаза его останавливаются на некой странной фигуре. Раздаётся писклявый, пронзительный крик, и мальчик пропадает из виду, оставляя Регента Хора, вперившего взор на лицо, которое тарачит на него из-за органа свои кошачие, слезливые глазки. Еще секунда, и он узнает Принцессу Курилку.

Смешанное чувство сомнения и изумления выражается на лице Джаспера; удивление как бы парализует джасперовские уста, которые не испускают ни малейшего звука. Но старуха, видимо, не разделяет его смущения: с лукавой улыбкой и кошачьей поступью подходит она ближе, всё ближе к нему, вот подошла и, наклоня к его лицу свою лукавую рожу, шепчет:

«Ох, родименький, бедные мои лёгкие находились в таком плохом состоянии, что я почувствовала как бы какую необходимость в перемене воздуха; вот я и прибрела сюда. Много годов, долгих годов, голубчик, прошло с тех пор, как видала я *нутро* святых мест; думаю, возьму да отдохну в них; и не прошло и пяти минуточек, как глянь, а ты здесь, наверху; я так обрадовалась, когда узнала тебя, что даже махнула тебе ручкой, да ты не видал того, – так говорю я себе: подожду чуточку и может случай подвернется поговорить с ним, коли, по крайности, никто не увидит нас».

Джон Джаспер оправился, но лицо его бледно от злости при этой фамильярности старухи. Он чувствует, что напрасно было бы ему отпираться от своего имени или же сделать вид, что не узнает её, и поэтому, принимая приятный и добродушный вид, он спрашивает её, какая её нужда до него.

«Всё для твоего же блага, ягнёночек, для твоего же блага; Чудо Небесное, да и только, что встретила я тебя так нечаянно. Нечего тебе бояться, мой красавчик, что я узнала тебя. Милость это Божья для тебя; теперь ты сам пожелаешь, чтобы я приходила да приносила с собою тебе лучший товар свой. Я останусь в *Двухпенсовом*, видишь ли, и могу давать тебе знать из-под руки, когда могу встретиться с тобой. Я стану приносить лучшие горшочки с трубочкой и порошком – и ты можешь держать всё это у себя на *фатере*⁵¹, прямо у себя, голубчик, не рискуя своего

⁴⁹ Людвиг ван Бетховен (1770–1827) – немецкий композитор и пианист.

⁵⁰ Далее зачеркнуто: *всё*.

⁵¹ *квартире (устар., прост.)*.

драгоценного животика, лазая по тем старым, гнилым лестницам, которые чуть не вышибли весь дух из меня, пока я не попривыкла к ним. Не для всякого бы сделала я, дружочек, то, что делаю для тебя, – да и для тебя бы не стала делать, когда бы не жалела тебя, сироту».

Мистер Джаспер, видимо, мало разделяет дружбу, звучащую в речах Курилки; но, кивнув утвердительно головой, спрашивает:

«Какая твоя еще другая цель в этом свидании?»

Сильный пароксизм кашля мешает ей тотчас же отвечать ему, но, утихнув немного и оправившись, она говорит:

«Не называй это целью, дружочек, так как ты знаешь лучше сам в глубине сердца твоего. Один случай свёл меня с тобой, вот вся правда. Но теперь, так как мы здесь одни с тобой лицом к лицу, голубчик, и никого здесь нет такого, кто бы подслушал нас, может ты и согласен будешь потолковать со мною побольше о том путешествии... за морями... Может также, прежде чем ты покончишь с ним, тебе понадобится помощь; так знай, родименький, что я всегда буду стоять за тебя как самый верный друг, не бойся», – добавляет она с хитрым, лукавым взглядом, говорящим красноречивее всех слов.

Внимательно, очень внимательно смотрит Джон Джаспер в морщинистое лицо женщины, как бы стараясь заглянуть в самую глубину сердца старой ведьмы; в свою очередь она не спускает с него глаз, искрящихся тем же лукавством, которое блестит в животных кошачьей породы... Наконец, Джаспер заливается громким хохотом. Отойдя немного от нее и снова приблизясь, он быстро произносит следующее:

«Милая моя, овладевшая было мною несчастная привычка курить опиум, привела меня в соприкосновение с весьма странной компанией. Привычка эта заставила меня также искать твоего общества, чего бы никогда не было, если бы только я мог подозревать, до какой степени ты глупа и тупоумна, – что ты и доказала сегодня. Но я желаю оказать тебе снисхождение, веря, что ты еще не совсем оправилась от последнего опьянения. Поэтому спрошу у тебя одно: отправишься ли ты сейчас же назад в Лондон, так чтобы я и духу твоего не слышал более, или же предпочитаешь, чтобы всякий назначенный тебе фунт стерлинга отправился⁵² в карман соперников твоих? Понимаешь ли ты меня?»

Он сурово смотрит ей в лицо, но она возвращает ему взгляд за взгляд с той же лукавой улыбкой.

«Ну, ну, ладно, голубчик, – говорит она в ответ примирительным тоном, – надеюсь, что ты извинишь старуху, которая от души желала услужить тебе. Коли не хочешь, так я и не вернусь сюда более, ягнёночек, но поберегу для тебя лучший товар свой, когда ты завернешь ко мне случаем. И так, призываю Божие благословение на вас, мой добрый господин, счастливо оставаться».

И одержимая снова тяжелым пароксизмом кашля, который продолжается до самой выходной двери Собора, она исчезает и направляется к трактиру *Двух Пенсов*; но едва достигнув первой удобной позиции, скрывающей её, по собственному соображению, от взоров Музыкального Учителя, она грозит кулаком по направлению Собора и лицо ее принимает самый дикий вид.

«Так, так, мой цыпленочек! – бормочет она свирепо. – Так ты легко и отделаешься от меня. Как не так! Теперь-то я узнала тебя наверняка. Ты можешь надуть другого кого, да только не меня. Мое время еще не пришло, да и недолго придётся ждать еще, скоро, скоро настанет и мой денек. Можем и повременить!» – и с этой угрозой она удаляется.

Мистер Джаспер горячо надеется, что никто не заметил старуху в то время, как она выходила из Собора, так как он боится расспросов. С этой мыслью Мистер Джаспер приближается к окну, дабы вполне убедиться в том, что она действительно ушла. Он следит за нею глазами, пока она окончательно не пропадает из виду, и намерен уже удалиться сам, когда слух его поражается напевом, который он слышал где-то прежде:

Уйде – уйде – ти!
Я словил его – после десяти,
Уйде, уидё ду!
Коль – не пойдёт, – камень – я – возьму.

⁵² Далее зачеркнуто: *бы*.

Уиде, уиде, уик! В него – пу-щу!

«Неприятности гуляют компанией»⁵³ – говорит старая пословица, которая и применяется в эту минуту к Джасперу; едва освободился он от присутствия старухи, радуясь, что она исчезла незамеченной, как, взглянув по направлению голоса, он открывает Депутата, который, широко раскрыв глаза и рот, таращится на него через полуоткрытую дверь.

Он идёт к мальчику, но дошед до двери, находит, что сей юный джентльмен мигом очутился уже на другой стороне улицы, откуда и рассматривает Музыкального Учителя с весьма вызывающим видом; вооружившись вдобавок приличной величины камнем, который он приготовляет в руке с таким видом, что Джасперу остается лишь убедиться окончательно в его намерении пустить ему им в голову при первом удобном случае.

«Это ты что вздумал беспокоить меня своим визгом, нахальный мальчишка?» – спрашивает Джаспер, подвигаясь ближе к неприятельской линии.

«И не думал беспокоивать вас, – получает он в ответ от Депутата, который, впрочем, пятится на несколько шагов назад. – Да гляди в оба, прошу не трогать меня опять, не то я махну вона этим кремёнком прямо в глаз; Вы разорвали уж мне подтяжки раз, Вы, *Джарспер*, да стара штука, другой раз того не будет».

«Я вовсе и не желаю трогать тебя, болван, – говорит Джаспер, в то время как новая внезапная мысль мелькает у него в уме. Взяв в кармане несколько мелких монет, он показывает их мальчику, продолжая. – Сослужи мне службу, и я тебе дам всё это».

«Какую такую службу», – осведомляется «Чертов Младенец», всё еще сомнительно косясь на него.

«Подойди поближе и тогда узнаешь».

«Да вы не труните надо мной?» – спрашивает мальчишка подозрительно.

«Для чего мне обманывать тебя?»

«Так скажите так: “Пусть лопнут глаза мои, коль надую я его”», – подсказывает Депутат.

«Что ж, пожалуй, – говорит добродушно Джаспер. – Пусть лопнут мои глаза, коль я надую его».

«Ладно, *Джарспер*, – восклицает мальчик, решаясь подойти к Регенту. – Ну, а теперь, что может малый сделать для вас?»

«По-первых, я хочу знать, видал ли ты одну особу, которая только что вышла отсюда, и узнаешь ли её, коли опять увидишь где?»

«Коль скажу, что не видал её, то совру, а коль присягну, что узнаю её опять, коль увижу, так то будет правда».

«Хорошо, – говорит Джаспер, – так теперь я хочу, чтобы ты следовал за ней, куда бы она ни пошла, и узнал бы, уехала ли она в Лондон; сделай всё это проворно и ты получишь шиллинг от меня в награду, – только смотри, не пытайся обмануть меня, не то я выдеру палкою всю жизнь из тебя».

«*Джарспер*, – с важностью заявляет Депутат, – я никогда не надую. Коль раз сказал, что сработаю вам что, так тому и быть. А куда мне прийти за шиллингом», – добавляет мальчик.

«Приходи ко мне на квартиру через час, и если я останусь довольным тобой, то не бойся, не будешь каяться».

Мальчишка издает внезапно длинный, пронзительный свист; разом отбросив камень, который он продолжал держать в кулаке в виде предохранительной меры против фантастического Дёрдльса в образе тумбы, стоящей на другой стороне дороги, он бросается со всех ног по направлению трактира «Двухпенсовый приют Путешественников».

⁵³ Англ. troubles never come singly.